

УДК 327(5):001.5

Серая О. В., ОНУ им. И. И. Мечникова

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ВЗГЛЯДОВ НА МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В АТР: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ПРАКТИКА ИХ ПРИМЕНЕНИЯ

Статья посвящена характеристике, в общем, основных направлений в теории международных отношений и анализу возможного соотношения данных теорий на практике в АТР. Автор предлагает альтернативный вариант анализа современных региональных отношений для формирования устойчивых и прогрессивных взаимосвязей между субъектами данной подсистемы в дальнейшем.

Одной из основных задач ТМО является выявление ключевых тенденций, закономерностей и механизмов взаимодействия акторов в международной политике, а также обеспечение эффективных моделей, которые смогли бы наиболее универсально дать объяснение природе разнообразных явлений на мировой арене, которые и лежат в основе системы данного взаимодействия. Однако если рассматривать применимость существующих теорий на практике, необходимо учитывать к какому элементу глобальной системы МО применяются данные, т.е. стоит исследовать специфику конкретной подсистемы, все ее элементы, особенности их взаимодействия и т.д.

Методологическая основа представленного исследования включает в себя работы известных специалистов в сфере МО, таких, как Барри Бузан, Джон Миршаймер и др. [3; 4; 13]. Также научные труды М. Зингера и А. Вилдавски, А.-М. Слаутера, К. Германна, Р. Гарно, Дж. Фэрона, Дж. Шнайдера и др., оказались полезными в процессе рассмотрения данной проблематики [15; 16; 7; 6; 5; 17; 18].

Целью данной статьи является характеристика основополагающих идей ключевых направлений в теории МО в самом общем виде и анализ возможного применения данных в рамках азиатско-тихоокеанской подсистемы.

Общая картина мира с точки зрения теории, не говоря уже о ее реальном воплощении, однозначно сложна и многогранна. Тот широкий спектр подходов, который существует на сегодняшний день не облегчает работу по созданию относительно универсальной системы, где бы каждый из субъектов мог развиваться не в ущерб другим, и вносить свой вклад в прогресс международного сообщества, в целом.

Рассматривая теоретическое измерение взглядов на МО в АТР, достаточно тяжело судить об объективности и современности восприятия той политики, которая проводится внутрирегиональными акторами (часто они слишком абстрактны, оторваны от объективной реальности).

На сегодняшний день ведутся активные дебаты относительно того, насколько эффективно работают выше перечисленные теории в отношении безопасности в АТР, взгляды на данную проблематику, очевидно, разнообразны. Например, вопрос применимости теорий регионализма, которые разрабатывались американскими и европейскими школами в отношении азиатских стран. Одни говорят об их непригодности вообще, другие же утверждают, что, субъектам в рамках АТР по ряду объективных причин присущи универсальные «нормы поведения» на МА и атрибуты, необходимые для нормального взаимодействия с другими системными элементами (как минимум, это соблюдения принципов международного права и т.д.). Они говорят о том, что такие основополагающие понятия, как гегемония, распределение власти, международные режимы и политическая идентичность являются универсальными вне зависимости от географии МО [7].

По мнению автора, наиболее правильным является умеренная позиция относительно соотношения западных теории и реалий в рамках АТР. То есть, конечно, западный опыт не может в полной мере охватить все грани отношений в АТР. Но они полезны и применимы с условием абстрагирования от собственно западного исторического опыта, и концентрирования на особенностях развития азиатской подсистемы.

Основной вклад в рассмотрение той подсистемы и всех ее составляющих, которая сложилась в АТР, внесли именно реализм, либерализм и конструктивизм. Поэтому можно в самом общем виде рассмотреть основополагающие идеи этих трех направлений в теоретическом аспекте рассмотрения МО.

Политический реализм в международных отношениях является одним из традиционных направлений, которое утверждает, что руководящим императивом государства должен быть и есть процесс проведение такой политики, ядром которой является понятие «национальный интерес»[20].

Многие эксперты – сторонники реализма, говорят, что еще исторически данное направление закрепило за собой доминирующие позиции среди других ТМО, и это, конечно, правильно с точки зрения исследования безопасности, конфликтов и войн. Например, еще в XX веке ученые-реалисты говорили о том, что в международных

отношениях не может присутствовать некий суверенный арбитр, который бы независимо и непредвзято решал те либо иные вопросы и споры межгосударственного характера. Логическим следствием этого является то, что данная сфера характеризуется недоверием, анархией и вездесущего перспективой войны [13].

Импульсом к популяризации реализма в середине XX века стала критика политики идеалистов в межвоенные годы, их идей относительно того, что только путем разработки и развития норм международного права и создания универсальной международной организаций, чем и должна была стать, по сути, Лига Наций, можно трансформировать в положительную сторону МО [4].

Основным субъектом они видят именно государства. Международные отношения является игрой с нулевой суммой, в которой державы заинтересованы, как отмечалось ранее, в реализации собственных интересов, даже если они противоречат интересам всего мирового сообщества. Постоянная конкуренция за власть и влияние на мировой арене делают неизбежными межгосударственные конфликты. Собственные интересы государство реализует за счет манипулирования, используя при этом различные методы, в частности, экономические и силовые рычаги.

Первым реформатором идей реализма, которые потом были формально определены таким понятием, как неореализм стал Кеннет Уолтц, который «подверг сомнению ряд постулатов «изнутри» самого реализма». Основными идеями нео-реалистов были архаичность МО; также то, что структурные отношения и надстройка, в целом, «диктуются» фактором распределения власти между ее субъектами (т.н. «баланс сил»); и что внутригосударственный режим не имеет никакого материального структурного влияния на саму систему [14].

Впоследствии данное теоретическое направление разделилось еще на две линии, которые в западной литературе получили названия «наступательный» и «оборонительный» реализм. Наступательные реалисты, как, например, Джон Миршаймер, утверждают, что главные субъекты МО – это именно «Великие державы», в большинстве своем все решает наступательные военные возможности государств, конечной целью они видят гегемонию на мировой арене, но жизненно важным, с учетом выше отмеченных особенностей, является физическое выживание государства [13].

Оборонительные реалисты, такие как Роберт Джервис, утверждают, что государствам достаточно статус-кво, в случае, если их собственная безопасность не оспаривается и, таким образом, их усилия направлены на сохранении баланса сил [11, p. 259].

Реалисты считают, что системообразующим фактором МО уже со второй половины XX века в АТР является именно баланс сил, где своеобразным регулятором выступают США. Благодаря США и их военному присутствию в частности стало реальным так называемое послевоенное «экономическое чудо», а советские и китайские силы не смогли распространить свое влияние на регион, в целом [10, p. 315].

Интересно, что нео-реалисты считали биполярную систему значительно более стабильной, нежели многополярность, потому что, как минимум, первый вариант более долговечен, по их мнению, и конфликтность данной системы легко сдерживаема и подконтрольна двум акторам, которые и диктуют «правила игры» [14]. А завершение «биполярной эпохи» принесло за собой распространение региональных очагов конфликтов, которые, в условиях «вакуума силы», и получили импульс к развязыванию.

Для пост-биполярной Азии реалисты прогнозируют «незавидное» будущее: этот вакуум силы будет заполнен влиянием со стороны Китая, результатом данного явления станет ремилитаризация Японии и т.д. [16]. Итог один – конфликт по линии «США-Китай» либо «США-Япония» (если Япония окончательно захочет выйти из системы безопасности, сформированной еще в годы Холодной войны).

Очень красноречиво описал данную перспективу Дж. Миршаймер: «После того как Америка превратилась в регионального гегемона, она стала активно препятствовать возникновению сильных игроков в других местах. Она подобным образом относилась и к Германии, и к Советскому Союзу, и к Японии. Америка не хотела, чтобы у нее под боком оказалось сильное государство из другого региона, в этом суть доктрины Монро. Если кто-то все же осмеливался бросить нам вызов, мы изгоняли его, и к Китаю отношение будет таким же. Китай – страна с блестящей историей. В ее превращении во всемирного гегемона есть железная логика. И КНР может выдвинуть свою собственную «доктрину Монро»: став наиболее сильной страной в регионе, Китай не заинтересован в том, чтобы допускать Америку в свою «вотчину» [13].

Идея физического выживания склоняет государства к стремлению к региональной и глобальной гегемонии. Очень важно, что реалисты не считают такие региональные структуры, как АСЕАН или АТЭС эффективными в вопросах региональной стабильности и безопасности [19, p. 174]. По их мнению, базисом региональной безопасности являются именно США и их региональные двусторонние системы безопасности (Республика Корея, Япония). А все региональные институты (по типу выше обозначенных), как марионетки – ведомы великими державами и их интересами.

У азиатских структурных надстроек нет перспектив развития и будущего, так как они представлены не великими державами, а слабыми, зависимыми субъектами. Однако, так называемая «дилемма безопасности», по мнению реалистов, может быть разрешена не без усилий региональных организаций [20]. Основной их целью должно быть привлечение в регион максимального количества великих держав, которые, уравнив собственные интересы и противоречия, создадут относительный баланс сил.

Стоит отметить, что анархия в МО, по мнению реалистов, может смягчаться экономической, политической и др. взаимозависимостью государств. Но, применительно к Азии, данное положение не подходит. Реалисты проводят параллели между АТР и ЕС: в отличие от европейских стран, которые объединены сильными региональными институтами, что и закрепляет их взаимозависимость, между азиатскими государствами не существует такого сильного взаимодействия [17].

Барри Бузан, американский специалист в области МО, говорит, что экономическая составляющая не может являться стержнем в процессе поддержания мира, а наоборот стимулирует еще большие противоречия между государствами [3]. Экономическая взаимозависимость в АТР представляется либо недостаточным, либо негативным фактором.

Подобные идеи реалистов касательно АТР, в определенной степени, противоречат их собственному ключевому понятию баланса сил в качестве универсального элемента МО. Регионализм сводится в данном контексте к доминированию США.

Что же касается либерализма (идеализма), его основными постулатами являются: либерально-демократические режимы более устойчивые, стабильные и мирные, соответственно они редко вступают в войну друг с другом (республиканский идеализм); экономическая взаимозависимость снижает уровень конфликтности (торговый идеализм); большое значение международных организаций, которые, по их мнению, являются стержнем системы коллективной безопасности (либеральный институционализм)[5].

Также отстаивал идеи научной рациональности, считая, что люди должны быть свободными от произвола и преследования государственной властью (политическая свобода, демократия и конституционно гарантированные права и свободы личности, а также за равенство перед законом) [15, р. 75].

Трансформировавшись, уже нео-либерализм заговорил об архаичности развития МО, о том, что основные субъекты системы – именно государства [1, р. 104]. Но нивелировать роль межгосударственных

институтов нельзя, они регулируют действия держав на мировой арене, способствуют развитию международного сотрудничества и т.д.

Что касается идеи о том, что «демократии не воюют», для АТР эта категория тяжело применима, т.к. те демократии, которые существуют на сегодняшний день, по сути, нелиберального толка, поэтому данный критерий для азиатского регионализма носит спорный характер. Касательно торгового идеализма, базовую основу для интеракции в регионе составляют не столько исторические, культурные или географические точки соприкосновения, а именно экономическая составляющая, которая была оформлена в качестве своеобразного организма, где «первой скрипкой» после завершения Второй мировой войны стали именно США. То есть, роли, отводимые США реалистами и идеалистами схожи.

Либеральный институционализм в АТР представлен в большей степени в качестве классического экономического взаимодействия, которое получает импульс к развитию от корпораций и других крупных экономических игроков [2, р. 223].

Классический либеральный институционализм ассоциируется как с коллективной безопасностью так и, в меньшей степени, с теорией региональной интеграции, которая получила свой старт с начала западноевропейской интеграции в 1950-х и 60-х годах. Но ни один из типов либерального институционализма не получил своего отражения среди азиатских государств, где фактически нет полноценной системы коллективной безопасности или серьезных межгосударственных институтов.

Нео-либеральный институционализм уже значительно сузил сферу исследования институциональной динамики (как институты влияют на поведение государства). Сторонники данной линии разделяют идеи реалистов относительно анархии, при этом, не соглашаясь с ними в вопросе важности институтов в качестве медиаторов в процессе сотрудничества. Подобные организации могут побуждать страны к сотрудничеству (но необязательно и не всегда), так как, посредством данных, упрощается передача информации между государствами, решаются многие вопросы в процессе взаимодействия между ее субъектами решаются, различные транзакционные операции также представляются в значительно более упрощенном виде [6]. Однако возможность создания с их помощью такой системы безопасности, где перспектива войны была бы немислима, отрицается; их «конечным продуктом» может быть максимум некий региональный режим.

Касательно АТР, АТЭС для нео-либералов наиболее интересна, в данной структуре они усматривают выше описанную роль для

субъектов региона. Однако, очень сомнительно, что данная институция сможет выступать в качестве реального гаранта региональной стабильности и безопасности.

Если в целом говорить об исследовании данного региона в качестве подсистемы МО, либерализм/идеализм внес наименьший вклад в развитие данного направления, в том смысле, что основной упор делается именно на рассмотрение западной модели. Центральное место в исследовании идеалистов занимает вопрос причинно-следственной теории мира, в то время, как реалисты фокусируются на причинах войн.

Исследователями, которые занимаются изучением азиатской подсистемы международных отношений, наиболее применяема методология и категориальный аппарат именно традиционного реализма [12]. С учетом внутренней региональной политики, очень сложно рассматривать эффективность идеалистических моделей в АТР. Но это именно с точки зрения принципа научного историзма в ТМО.

Что же касается тех реалии, которые имели место быть после завершения Второй Мировой войны, и, в частности, сегодняшних, либерализм, с его представлениями о взаимозависимости, демократии, мира и стабильности в масштабах не только региона, но и всего мирового сообщества, видится автору полезным направлением научно-исследовательской мысли. Детерминантами безопасности и стабильности, как региональных отношений, так и отношений глобального характера предлагаются именно три составляющие идеализма: многосторонняя безопасность, экономический либерализм и демократизм.

Конструктивизм в ТМО определяет межгосударственное взаимодействие рядом факторов, к числу которых относятся не только материальные возможности государств (объективные факторы), но и субъективные (история, культура и т.д.) [8]. Категория «государственные интересы» не что-то, данное с момента образования самого государства, а результат таких процессов и изменений, которые происходят как внутри государства, так и на МА. И при этом очень важно учитывать степень и оценку уровня так называемой социализации (взаимодействия с другими государствами) тех либо иных акторов в рамках как региональной, так и глобальной системы МО. Касательно идей реалистов об анархии на МА, конструктивисты говорят о том, что данное явление не перманентно, оно конструируется самими субъектами МО. Что касается международных институций, согласно конструктивизму, оказывают большое влияние на межгосударственные отношения в качестве регулятора этих отношений.

Путем взаимодействия на таком уровне государства могут создать коллективную систему безопасности, которая бы отвечала общим интересам и целям ее элементов («коллективная идентичность») [9, р. 12]. Она играет важную роль в системе пост-биполярных отношений в АТР. Именно взаимная идентификация определила позиции важных региональных акторов в годы Холодной войны («Движение неприсоединения», формально определенное проведением в апреле 1955 году Бандунгской конференцией).

Данная теория фактически относится к числу пост-биполярных идей, так как повысила авторитет своих сторонников после осознания ошибочности прогнозов как реалистов, так и идеалистов относительно конца Холодной войны. Однако отношения в АТР она рассматривает именно в контексте биполярного противостояния. Регионализм напрямую увязывается с такой институцией, как АСЕАН, говоря о том, что ее создание не было обусловлено ни теми факторами, которые определялись идеалистами, ни теми, которые выделяли реалисты. Процесс регионализации, продуктом которого и стала структурная надстройка АСЕАН, шел в контексте развития и интеракции различных идей, мыслительных сил. А импульсом и явилась социализация и коллективная идентичность азиатских стран.

Такой путь регионализации, из-за особенностей своего формирования на основе отказа от присоединения к одной из сторон биполярного противостояния, обусловил порождение слабой, неэффективной институции, которая так и не смогла трансформироваться в эффективный гарант региональной стабильности и безопасности. Необходимо заметить также, что конструктивисты в своем подходе абстрагируются от внутренней политики государств, считая, что данная категория никоим образом не оказывает влияние на те отношения, которые происходят на МА.

Если в самом общем виде говорить о тех настроениях, которые характерны для представителей азиатских научных школ, стоит заметить, что до недавнего времени очень популярны были идеи реалистов. Внутрирегиональные противоречия (американо-китайское противостояние, территориальные споры между Японией и рядом государств и другие Восточно-Азиатские узловые противоречия) делали реализм более актуальным в качестве прикладного направления в ТМО. Однако развитие региональных структур, завершение биполярного противостояния заставило качнуться маятник в сторону идеализма и конструктивизма. Путем заимствования актуальных положений каждого из направлений в ТМО, с учетом азиатской специфики, можно разработать такие положения, которые займут

прочное место в нише азиатской теории МО. Абсолют в данном случае просто невозможен.

По мнению автора, для АТР было бы полезно создать некий симбиоз тех предложений, которые выдвигаются представителями трех выше описанных направлений. Можно было бы создать такую систему, которая объединяла бы различных региональных акторов (как более сильных, так и менее). Баланс сил, который был бы установлен между сильными заставлял бы их относительно уважать мнения и интересы слабых государств; в такой бы системе, по принципу ЕС существовала бы межгосударственная интеракция на основных уровнях (экономическая, политическая и т.д.). Подобная взаимозависимость могла бы стать гарантом стабильности для всех, т.к. уже было бы невыгодно вступать в конфликт со своим партнером, с которым, например, ведется тесное сотрудничество в сфере энергетики и т.д. Чувство идентичности, основанное больше не на историзме или территориальности, а на общности целей, стремлению к сотрудничеству и уравниванию региональных отношений и т.д. – будет способствовать избеганию крупных региональных конфликтов.

Библиографический список:

1. A history of International Relations theory / [ed.by] Knutsen T. (2nd ed.). – Manchester University Press, 1997. – 354 p.
2. Amstutz M.R. International conflict and cooperation: an introduction to world politics / M.R. Amstutz. – Brown & Benchmark Publishers, 1995. – 486 p.
3. Buzan B. International Systems in World History. Remaking the Study of International Relations / B. Buzan. – New York: Oxford University Press, 2000. – 472 p.
4. Buzan, B., Waever, O. Regions and Powers: The Structure of International Security [Электронный ресурс] / B. Buzan, O. Waever. – Режим доступа: <http://blogriobranco.files.wordpress.com/2010/04/buzan.pdf>
5. Fearon J. Domestic politics, foreign policy and theories of international relations [Электронный ресурс] / J. Fearon. – Режим доступа: <http://www.rochelleterman.com/ir/sites/default/files/Fearon%201998.pdf>
6. Garnaut R. A new open regionalism in the Asia Pacific [Электронный ресурс] / R. Garnaut. – Режим доступа: <http://www.rossgarnaut.com.au/Documents/A%20New%20Open%20Regionalism%20in%20the%20Asia%20Pacific%202004.pdf>
7. Hermann C. The evolution and future of theoretical research in the comparative study of foreign policy [Электронный ресурс] / C. Hermann. – Режим доступа: <http://www.voxprof.net/cfh/hermann-pubs/Hermann-The%20Evolution%20and%20Future%20of%20Theoretical%20Research.pdf>

8. Hopf T. The promise of constructivism in International Relations theory / T. Hopf. // International security. – Summer 1998. – Vol. 23, № 1. – P. 171-200.
9. Hudson V. Foreign policy analysis: actor-specific theory and the ground of International Relations / V. Hudson. // Foreign Policy Analysis. – March 2005. – Vol. 1, issue 1. – P. 1-30.
10. International political economy / [ed. by] Tsuneo Akaha, Kendall Stiles. – Harper Collins Publishers, 1991. – 528 p.
11. International politics: enduring concepts and contemporary issues / [ed.by] R. Art and R. Jervis. (3rd ed.) – Harper Collins Publishers, 1992. – 586 p.
12. Legro J.W., Maravcsik A. Is anybody still a realist? [Електронний ресурс] / J.W. Legro. – Режим доступа: <https://www.princeton.edu/~amoravcs/library/anybody.pdf>
13. Mearsheimer J. Realists as idealists [Електронний ресурс] / J. Mearshimer. – Режим доступа: <http://mearsheimer.uchicago.edu/pdfs/Realists-Idealists.pdf>
14. Rose G. Neoclassical realism and theories of foreign policy politics [Електронний ресурс] / G. Rose. – Режим доступа: http://graduateinstitute.ch/files/live/sites/iheid/files/sites/political_science/users/jovana.carapic/public/Rose_Neoclassical%20realism%20and%20theories%20of%20foreign%20policy.pdf
15. Singer M., Wildavsky A. The real World order / M. Singer, A. Wildavsky. – Chatham House Publishers, 1993. – 212 p.
16. Slaughter A.-M. International relations, principal theories [Електронний ресурс] / A.-M. Slaughter. – Режим доступа: http://www.princeton.edu/~slaughtr/Articles/722_IntlRelPrincipalTheories_Slaughter_20110509zG.pdf
17. Snyder G.H. Mearshimer's world offensive realism and struggle for security [Електронний ресурс] / G.H. Snyder. – Режим доступа: <http://ir.rochelleterman.com/sites/default/files/glaser%20review%20of%20measheimer.pdf>
18. Snyder J. One world, rival theories [Електронний ресурс] / J. Snyder. – Режим доступа: <http://foreignpolicy.com/2009/10/26/one-world-rival-theories/>
19. Stoessinger J.G. The might of nations: World Politics in our time / J.G. Stoessinger. – Random House, 1986. – 450 p.
20. Volten P., Assem A. Transcending paradigm bashing: realism and idealism in International Politics [Електронний ресурс] / P. Volten, A. Assem. – Режим доступа: <http://reinhardmeyers.unimuenster.de/docs/GraduateT/Volten%20Van%20de%20Assem.pdf>

Стаття присвячена характеристиці, загалом, основних напрямків в теорії міжнародних відносин та аналізу можливого співвідношення даних

теорії на практиці в АТР. Автор пропонує альтернативний варіант аналізу сучасних регіональних відносин для формування стійких і прогресивних взаємозв'язків між суб'єктами даної підсистеми надалі.

The article is devoted to characterization, in general, of the main trends in the theory of international relations and analyzing the possible correlation of these theories in practice at the Asia Pacific Region. The author offers an alternative analysis of current regional relations for the formation of stable and progressive relations between subjects of this subsystem in future.

Стаття надійшла до редакції 30.03.2015

УДК 327.56:94[(430+438+492):(47)]"2000/2014"

Русова О. С., ОНУ ім. І. І. Мечникова

РОЛЬ КРАЇН ВЕЙМАРСЬКОГО ТРИКУТНИКА У РЕГУЛЮВАННІ КОНФЛІКТІВ НА ПОСТРАДЯНСЬКОМУ ПРОСТОРІ: РОСІЙСЬКИЙ ЧИННИК

В цій статті розглянуті два найбільші військові конфлікти з моменту розпаду СРСР і набуття незалежності колишніми союзними республіками – війна в Грузії 2008 та українська криза 2014. Досліджується роль ЄС в спробі вирішити кризу мирним шляхом у форматі Веймарського трикутника, використовуючи в якості основних методів впливу на країну-агресора економічні санкції та міжнародну ізоляцію. У статті проводиться порівняльний аналіз того, яке значення мають обидва конфлікти для системи європейської безпеки, і яким чином двосторонні відносини між Росією і окремо взятими державами-членами ЄС, впливають на його зовнішньополітичний курс.

Розпад Радянського Союзу, зовнішньополітична переорієнтація колишніх соціалістичних країн на ЄС і НАТО, демократичні перетворення в колишніх радянських республіках сприяли інтенсифікації діалогу в області політики безпеки між США, Західною Європою і Росією. Це співробітництво базувалося не тільки на взаємних інтересах в оборонній сфері, а й на перспективі побудови стійких і взаємовигідних економічних зв'язків. Однак, між Європою і Росією, як і раніше залишається багато суперечностей щодо ролі РФ у низці військових конфліктів у пострадянських республіках – в Придністров'ї (1992), в Грузії (2008) і в Україні сьогодні.